

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

**Studia Humanitatis Borealis /
Северные гуманитарные
исследования**

<https://sthb.petrso.ru>

№ 3(40). Сентябрь, 2026

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Коростелева
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrso.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 3. 2026.

ФИЛОСОФИЯ

Сюй Ц.	Проблема истинности научных теорий	3 - 11
Лебедев С. А.	Сущность новой эпистемологической парадигмы	12 - 20

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Меньшикова М. А.	БАРЬЕРЫ И ДРАЙВЕРЫ ТУРИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОСТМУКШСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА: МНЕНИЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА	21 - 24
Фадеева Н. Л., Седунова А. М.	СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ	25 - 34

УДК 167

Проблема истинности научных теорий

**Суй
Цзиньсинь**

*студент кафедры философии,
Московский государственный технический
университет
имени Н. Э. Баумана,
Москва, Российская Федерация, saleb@rambler.ru*

Ключевые слова:

научное знание
виды научных теорий
научная истина и их критерии
методологический плюрализм

Аннотация:

Проблема истины является центральной не только для философии, но и для реальной практики научного познания. От ответа на вопрос о том, что считать истинным знанием и каковы критерии этой истинности, зависит стратегия научного исследования, методы проверки гипотез и, в конечном счете, признание научных достижений обществом. Однако, как показывает история и методология науки, поиск универсального критерия истины для всего корпуса научного знания представляет собой трудноразрешимую задачу. Причина этого кроется в том, что научное знание не является гомогенным образованием. Оно включает в себя качественно различные уровни знания: чувственные данные наблюдения и эксперимента, эмпирические факты и законы, научные теории и законы, метатеоретическое знание (парадигмальные теории, частнонаучная и общенаучная картина мира, идеалы и нормы научного познания, философские основания научных теорий). Очевидно, что для столь разнородных когнитивных продуктов не может существовать единого критерия истинности. Попытки оценить истинность квантовой механики или теории относительности исключительно через призму непосредственного чувственного опыта (сенсуалистический критерий) столь же несостоятельны, как и попытки оценить истинность эмпирических теорий лишь по их непротиворечивости и логической доказательности (когерентный критерий). Целью данной работы является анализ критериев истинности двух качественно различных по своему содержанию видов научных теорий: феноменологических (наиболее общей единицы эмпирического уровня научного знания) и трансцендентальных научных теорий как знания о свойствах и законах идеальных объектов конкретной науки. Методологическую основу работы составили уровневая концепция методологии науки С. А. Лебедева, критический рационализм К. Поппера, историческая школа Т. Куна и конвенционализм А. Пуанкаре.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 29 августа 2026 года

Опубликована: 29 сентября 2026 года

1. Научная истина и уровневая структура научного знания

1.1. Классические концепции истины и их не универсальный характер

В философии науки исторически сложилось несколько фундаментальных подходов к определению истины. Рассмотрим три самых распространенных концепции истины как в философии, так и в науке: корреспондентскую, когерентную и прагматическую – и покажем их неуниверсальность.

Корреспондентская концепция (от Аристотеля до логического позитивизма) определяет истину как соответствие знания действительности. Эта концепция интуитивно понятна и доминирует в обыденном сознании, однако применительно к развитой науке она сталкивается с серьезными трудностями. Как справедливо замечает К. Поппер, мы не можем «выпрыгнуть» из собственного сознания, чтобы напрямую сравнить теорию с реальностью самой по себе [3]. Более того, многие объекты современной науки (волновая функция, кварки, кривизна пространства-времени) принципиально не наблюдаемы, и говорить об их прямом соответствии чему-либо в чувственном опыте просто некорректно.

Когерентная концепция истины переносит акцент на внутреннюю согласованность знания: высказывание истинно, если оно логически непротиворечиво вписывается в уже принятую систему высказываний. Этот подход прекрасно работает в математике и теоретической физике, где аксиоматический метод является основным [4]. Однако когерентная теория бессильна объяснить, почему одна непротиворечивая система (например, механика Ньютона) сменяется другой (механика Эйнштейна), если обе внутренне логичны.

Прагматическая концепция (Ч. Пирс, У. Джеймс и др.) отождествляет истинность с практической полезностью, успехом в решении задач. В науке этот критерий трансформируется в требование эффективной применимости теории, но сводить истину исключительно к утилитарному успеху означало бы игнорировать собственно познавательную ценность науки, стремящейся к объяснению мира, а не только к практически полезным действиям в нем.

Следует отметить, что ограниченность рассмотренных классических концепций истины становится очевидной при анализе исторической динамики науки. Т. Кун в своей работе «Структура научных революций» убедительно продемонстрировал, что научное знание развивается не путем кумулятивного накопления истин, а через периодические революционные смены фундаментальных научных теорий («научных парадигм»). В рамках классической физической парадигмы многие ее утверждения считались абсолютной истиной как полностью соответствующие свойствам объективной реальности (например, абсолютному пространству в классической механике и эфиру в классической оптике и электродинамике). Однако после научной революции в физике, создания теории относительности, эти утверждения классической физики были признаны ложными. Возникает вопрос: если истина есть соответствие реальности, как объяснить, что одна и та же реальность «подтверждала» истинность противоречащих друг другу теорий в разные исторические периоды? Очевидно, что само понятие «реальности» в науке не является чем-то абсолютно неизменным и независимым от теоретических предпосылок. Как считает С. А. Лебедев, научная реальность в значительной степени конструируется самим исследователем с помощью определенных методологических процедур. Следовательно, корреспондентская теория истины, чтобы оставаться хотя бы частично применимой к реальной науке, должна быть существенно модифицирована с учетом активной, конструктивной роли субъекта познания. Тот факт, что ни одна из классических монистических концепций истины не способна охватить все многообразие научного знания, явно указывает на необходимость перехода от абстрактного определения истины к конкретному анализу критериев истинности для разных единиц научного знания [5].

1.2. Уровневая структура научного знания

В соответствии с концепцией, разработанной С. А. Лебедевым, научное знание имеет четкую уровневую структуру: чувственное, эмпирическое, теоретическое и метатеоретическое знание [6]. Каждый уровень характеризуется собственной онтологией и специфическими методами обоснования.

На **чувственном** уровне научного знания (данные наблюдения и эксперимента) критерием их истинности является воспроизводимость и интерсубъективность: любой наблюдатель в тех же условиях должен получить и зафиксировать одинаковые показания приборов.

На **эмпирическом** уровне формируются научные факты и эмпирические законы. Здесь решающим критерием их значимости является степень подтверждения опытом и предсказательная сила относительно новых, еще не наблюдавшихся явлений.

На **теоретическом** уровне ученые оперируют идеальными объектами. Здесь на первый план выходят логическая доказательность, эвристическая сила и соответствие не материальному миру, а

свойствам идеального конструкта.

На **метатеоретическом** уровне (парадигмы, научные картины мира) критериями истинности становятся культурно-историческая адекватность и консенсус научного сообщества [7].

Игнорирование этой уровневой специфики приводит к методологическим ошибкам, когда, например, эмпирическую теорию отвергают за отсутствие у нее «красоты» математического аппарата, или, наоборот, требуют от теории суперструн немедленного экспериментального подтверждения в бытовых условиях.

Для более глубокого понимания уровневой дифференциации критериев истинности полезно обратиться к конкретному примеру из истории физики. Рассмотрим развитие представлений о природе теплоты. На чувственном и эмпирическом уровнях ученые XVIII века фиксировали факты нагревания тел при трении и формулировали феноменологические законы теплопередачи. Критерием истинности здесь служила точность предсказания температуры смеси жидкостей или количества теплоты, необходимого для нагрева вещества. Однако существовала и трансцендентальная теория теплорода, которая постулировала существование особой невесомой жидкости. Эта теория была логически непротиворечива и в течение долгого времени успешно объясняла многие тепловые явления. Ее опровержение произошло не столько из-за прямого эмпирического противоречия (хотя опыты Румфорда и Дэви его демонстрировали), сколько из-за появления более мощной трансцендентальной теории – молекулярно-кинетической теории теплоты, которая обладала большей объяснительной силой и эвристическим потенциалом. Этот пример наглядно показывает, что на разных уровнях познания действуют различные критерии принятия теорий в качестве истинных, и что переход от одного уровня к другому часто сопряжен с научной революцией.

1.3. Социальная природа научного познания и субъект оценки истинности знания

Важнейшим аспектом, который часто упускался в классической эпистемологии, является коллективный, социальный характер научного познания. Субъектом оценки истинности в реальной науке выступает не изолированный гносеологический «Робинзон», а дисциплинарное научное сообщество [8]. Как показал Т. Кун, именно сообщество ученых-специалистов, разделяющих определенную парадигму, определяет, какие проблемы считать решенными, а какие факты – установленными [7]. Следовательно, признание теории истинной – это не только когнитивный акт сравнения с реальностью, но и социальный акт принятия (легитимации) этой теории коллегами по цеху. Этот вывод имеет принципиальное значение для понимания критериев истинности разных видов теорий, особенно трансцендентальных.

2. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ: их онтологическое и методологическое различие

2.1. Феноменологические теории как наиболее общая единица эмпирического знания

Феноменологические теории (от греч. *phainomenon* — являющееся) представляют собой систематизацию и обобщение наблюдаемых фактов и эмпирических закономерностей. Они не претендуют на раскрытие глубинных, сущностных причин явлений, а лишь описывают функциональные связи между величинами, которые могут быть зафиксированы в опыте [9].

Классическими примерами феноменологических теорий являются: термодинамика в формулировке Карно и Клаузиуса (до появления статистической физики Больцмана), законы Кеплера для движения планет (до появления теории тяготения Ньютона), а также ранняя формулировка периодического закона Д. И. Менделеева, основанная исключительно на атомном весе и валентности, без понимания структуры атомного ядра.

Онтологически феноменологические теории имеют дело с миром явлений, данных в чувственном опыте. Их главная функция – «спасение явлений» (термин, восходящий к античной астрономии), то есть создание такой математической или логической модели, которая позволяет точно предсказывать результаты наблюдений и экспериментов [10].

Важно подчеркнуть, что феноменологические теории, несмотря на их «поверхностный» характер, играют незаменимую роль в научном познании. Они служат необходимым мостом между чувственными данными и теоретическими построениями. Как отмечает А. Б. Мигдал в работе «Как рождаются физические теории», многие фундаментальные открытия начинались именно с установления феноменологических закономерностей [9]. Например, закон излучения абсолютно черного тела, сформулированный Планком первоначально как чисто эмпирическая интерполяционная формула, стал отправной точкой для создания квантовой механики – одной из самых глубоких трансцендентальных

теорий в истории науки. Более того, феноменологические теории часто сохраняют свое значение даже после появления объясняющих их трансцендентальных теорий, поскольку они обеспечивают простое и эффективное описание явлений в определенной области, не требуя обращения к сложному математическому аппарату фундаментальной теории. В этом смысле они обладают собственной, прагматически понимаемой истинностью.

2.2. Трансцендентальные теории как имманентные конструкторы разума

Трансцендентальные теории (от лат. *transcendere* — переступить, выходить за пределы) конструируются на теоретическом уровне познания. Их объектами являются не материальные вещи, а идеальные объекты: материальная точка, идеальный газ, инерциальная система отсчета, электромагнитное поле, волновая функция [2]. Эти объекты не существуют в природе в чистом виде, они создаются продуктивным воображением ученого.

Как подчеркивает С. А. Лебедев, трансцендентальные теории описывают не столько мир актуального бытия, сколько мир объективных возможностей [11]. Например, механика Ньютона описывает движение тел в условиях, когда отсутствует сопротивление среды и трение. Хотя в реальности таких условий не существует, знание этих идеальных законов позволяет понять и количественно описать реальное движение с поправками на возмущения.

Методами построения трансцендентальных теорий являются идеализация, абстрагирование и гипотетико-дедуктивный метод. Эти теории обладают высокой степенью универсальности и логической стройности, но их связь с эмпирией носит сложный, опосредованный характер [12].

2.3. Онтологический статус двух типов теорий: мир явлений и мир объективных возможностей

Принципиальное различие между двумя видами теорий лежит в их онтологии. Для феноменологической теории истина – это точность описания видимого мира. Для трансцендентальной теории истина – это адекватность описания сущности, стоящей за явлениями, то есть мира возможного.

Важно отметить, что мир объективных возможностей, описываемый трансцендентальной теорией, онтологически не менее реален, чем мир явлений. Как отмечает В. С. Стёпин, именно переход к оперированию идеальными объектами позволяет науке выйти за пределы простой констатации фактов и создавать фундаментальные объяснительные схемы [13]. Истинность трансцендентальной теории заключается не в том, что ее объекты можно «потрогать», а в том, что созданная ею идеальная модель позволяет объяснить и предсказать неограниченно широкий класс реальных явлений.

3. СПЕЦИФИКА КРИТЕРИЕВ ИСТИННОСТИ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

3.1. Эмпирическая подтверждаемость и воспроизводимость как основа истинности феноменологических теорий

Для феноменологических теорий, которые по своей сути являются индуктивными обобщениями опыта, главным и наиболее весомым критерием истинности выступает эмпирическая подтверждаемость [9]. Это означает, что предсказания, сделанные на основе такой теории, должны систематически совпадать с данными наблюдений и экспериментов. Критерий включает два взаимодополняющих аспекта: верификацию (подтверждение) и фальсификацию (опровержение).

Верификация феноменологической теории происходит путем накопления положительных свидетельств в ее пользу. Чем больше разнообразных фактов объясняет теория, тем выше степень доверия к ней. Например, закон Бойля-Мариотта считался истинным феноменологическим описанием поведения газов до тех пор, пока его предсказания совпадали с показаниями манометров в определенном диапазоне давлений и температур.

Однако, как показал К. Поппер, даже миллионы подтверждений не доказывают истинность теории окончательно, в то время как один противоречащий факт способен ее опровергнуть [3]. Выход за пределы применимости феноменологической теории (например, повышение давления, при котором газ начинает вести себя неидеально) демонстрирует ограниченность ее истинности. Таким образом, истинность феноменологической теории всегда относительна и ограничена той областью эмпирического опыта, на основе которой она была построена.

3.2. Логическая непротиворечивость и соответствие идеальному объекту в трансцендентальных теориях

Критерии истинности трансцендентальных теорий имеют более сложную структуру. С. А. Лебедев выделяет здесь три необходимых компонента [14].

Первым и обязательным условием является логическая непротиворечивость. Трансцендентальная теория представляет собой сложную логическую систему, и

если в ней обнаруживается формальное противоречие (антиномия), это служит однозначным признаком ее ложности. Требование логической строгости делает математику не просто инструментом, а «языком» теоретического уровня науки [13].

Вторым компонентом является соответствие содержания теории свойствам и отношениям тех идеальных объектов, которые были введены в ее основание. Например, в механике Ньютона закон инерции истинен именно для «материальной точки» или «тела, на которое не действуют силы». Бессмысленно искать в природе абсолютно изолированное тело, но в рамках принятой идеализации утверждение истинно. Истинность здесь носит конвенционально-конструктивный характер: мы договариваемся о свойствах объекта и затем дедуктивно разворачиваем следствия [10].

Третьим компонентом является объяснительная сила. Трансцендентальная теория считается истинной, если она не просто описывает идеальный мир, но и позволяет объяснить (дедупировать) соответствующие феноменологические законы и эмпирические факты. Именно способность ньютоновской теории тяготения вывести законы Кеплера из более фундаментальных принципов стала решающим аргументом в ее пользу по сравнению с чисто кинематическими описаниями.

3.3. Роль фальсификации и объяснительной силы в оценке теорий разного уровня

Примечательно, что требование фальсифицируемости, выдвинутое Поппером как универсальный критерий демаркации науки от ненауки, по-разному работает для двух типов теорий [3]. Феноменологическую теорию легко фальсифицировать прямым экспериментом. Трансцендентальную теорию (например, квантовую механику) фальсифицировать прямым наблюдением сложно, так как ее предсказания касаются вероятностных распределений или состояний микромира, интерпретация которых сама по себе зависит от теории.

Поэтому для трансцендентальных теорий на первый план выходит критерий конструктивной плодотворности. Истинность теории подтверждается не столько отсутствием опровержений, сколько ее способностью генерировать новые исследовательские программы, предсказывать новые типы объектов и стимулировать развитие экспериментальной техники. Так, общая теория относительности долгое время считалась скорее математически элегантной гипотезой, но ее истинность была признана научным сообществом лишь после подтверждения предсказанных ею тонких эффектов (отклонение луча света в поле тяготения, гравитационное красное смещение) [12].

Здесь уместно провести более детальное сравнение взглядов К. Поппера и Т. Куна на проблему роста научного знания и истины. Поппер, будучи сторонником критического рационализма, настаивал на том, что наука развивается путем выдвижения смелых гипотез и их последующей безжалостной критики, включающей попытки эмпирического опровержения [3]. В этой модели истина выступает как регулятивный идеал, к которому наука асимптотически приближается, но никогда не достигает окончательно. Кун, напротив, акцентировал внимание на периодах «нормальной науки», когда господствующая парадигма воспринимается научным сообществом как безусловно истинная, и лишь накопление серьезных аномалий приводит к революционной смене парадигмы [7].

С точки зрения уровневой методологии С. А. Лебедева, обе модели отражают различные аспекты реального функционирования науки, но применимы к разным типам теорий [11]. Попперовская модель лучше описывает динамику на эмпирическом уровне, где отдельные гипотезы действительно могут быть опровергнуты решающим экспериментом. Куновская модель более адекватна для метатеоретического уровня, где смена фундаментальных парадигм происходит редко и сопровождается глубокой перестройкой всего концептуального аппарата науки. Что касается собственно теоретического уровня, то здесь работают оба механизма: отдельные теоретические гипотезы могут фальсифицироваться, но ядро исследовательской программы (по выражению И. Лакатоса) защищено от прямой эмпирической критики вспомогательными гипотезами.

4. КОНСЕНСУАЛИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ КАК СИНТЕЗ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

4.1. От конвенций к консенсусу: эволюция понимания легитимации научного знания

Учитывая, что для разных типов теорий существуют различные критерии истинности, а также то, что прямая проверка трансцендентальных теорий опытом невозможна без посредников, возникает вопрос: как в реальной науке принимается решение о признании той или иной теории истинной? Ответ на этот вопрос дает анализ социальной природы научного познания, представленный в работах С. А. Лебедева [8].

Классический конвенционализм, восходящий к А. Пуанкаре, утверждал, что геометрические аксиомы и фундаментальные законы физики не являются ни экспериментальными истинами, ни

врожденными идеями, а представляют собой конвенции – свободные соглашения, принимаемые учеными ради удобства и плодотворности исследования [10]. Однако конвенционализм Пуанкаре оставлял открытым вопрос о субъекте соглашения: почему конвенция, выбранная одним ученым, обязательна для других?

Современная методология науки делает следующий шаг, перенося акцент с индивидуального выбора на коллективные когнитивные коммуникации. Истина в науке – это не результат произвола одиночки, а результат длительного и сложного процесса обсуждения, критики, проверки и согласования позиций внутри дисциплинарного научного сообщества [14].

4.2. Экспертный характер оценки истинности в современном научном сообществе

В современной науке, особенно в таких областях как квантовая физика или космология, оценка истинности теории носит ярко выраженный экспертный характер [8]. Только специалисты, владеющие сложнейшим математическим аппаратом и понимающие все нюансы теоретических допущений и экспериментальных установок, способны вынести квалифицированное суждение о степени обоснованности теории.

Следовательно, научный консенсус относительно истинности трансцендентальной теории является не просто «голосованием», а рационально мотивированным согласием экспертов, основанным на оценке выполнения теорией комплекса критериев: логической непротиворечивости, эмпирической адекватности (через систему редукции), объяснительной силы и эвристического потенциала.

Т. Кун показал, что смена научных парадигм в периоды научных революций сопровождается сменой консенсуса в научном сообществе [7]. Старый консенсус разрушается под грузом аномалий, и формируется новый вокруг более перспективной теории. Этот процесс может быть длительным и болезненным, но именно он обеспечивает рост научного знания и его приближение к более глубокому пониманию реальности.

Здесь уместно вспомнить знаменитый спор между А. Эйнштейном и Н. Бором о полноте и истинности квантовой механики. Эйнштейн, несмотря на свой огромный вклад в создание квантовой теории, до конца жизни отказывался признать ее окончательной истиной, настаивая на существовании «скрытых параметров», которые позволили бы восстановить детерминистическую картину мира. Бор и большинство физиков-теоретиков приняли вероятностную интерпретацию квантовой механики как адекватное описание микромира. Этот исторический пример показывает, что даже гениальные эксперты могут расходиться в оценке истинности теории, и окончательный вердикт выносит коллективный разум научного сообщества, опирающийся на накопленный опыт и внутреннюю логику развития науки.

4.3. Методологическое значение признания плюрализма критериев истинности

Признание того, что для феноменологических и трансцендентальных теорий существуют различные критерии истинности, и что итоговым арбитром выступает консенсус сообщества, имеет огромное значение для методологической культуры ученого [13]. Оно избавляет от двух опасных крайностей: наивного эмпиризма (требования «показать пальцем» на кварк или черную дыру) и спекулятивного рационализма (признания истинной любой внутренне непротиворечивой фантазии).

Методологический плюрализм, обосновываемый в работах Лебедева, учит гибкости: в одной познавательной ситуации следует опираться на строгость эксперимента и воспроизводимость данных (эмпирический уровень), а в другой – на силу теоретической аргументации и логической дедукции (теоретический уровень) [11]. Это позволяет адекватно оценивать результаты научной деятельности и избегать догматизма в оценке новых, еще не устоявшихся теорий.

Выводы

Проведенный анализ проблемы истинности научных теорий разных видов позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. Невозможность универсального критерия истины. В силу сложной уровневой структуры научного знания не существует и не может существовать единого критерия истинности для всех единиц научного знания. Требования, адекватные для эмпирических фактов, неприменимы к математическим аксиомам, а требования, предъявляемые к феноменологическим описаниям, недостаточны для фундаментальных теоретических конструкций [6; 19].

2. Фундаментальное различие феноменологических и трансцендентальных теорий. Феноменологические теории нацелены на «спасение явлений», их истинность измеряется точностью совпадения с данными опыта. Трансцендентальные теории конструируют мир идеальных объектов и сущностей, их истинность удостоверяется логической непротиворечивостью, соответствием свойствам идеализированных объектов и способностью объяснять широкий спектр эмпирических

закономерностей [9; 17].

3. Доминирование эмпирического критерия для феноменологических теорий. Для теорий, являющихся прямым обобщением опыта, решающим голосом обладает эксперимент и наблюдение. Подтверждаемость, воспроизводимость и возможность фальсификации прямым опытом остаются здесь главными критериями [3; 18].

4. Комплексный характер критериев для трансцендентальных теорий. Истинность теоретического знания имеет синтетическую природу, сочетая в себе логическую доказательность, внутреннее совершенство, соответствие идеальному объекту и, в конечном счете, признание научного сообщества [14].

5. Консенсуалистский синтез. Поскольку прямое сопоставление трансцендентальной теории с реальностью невозможно в силу идеализированного характера ее объектов, функция итоговой оценки истинности передается научному сообществу. Истина в науке предстает как рационально обоснованный консенсус экспертов, достигнутый в ходе сложных коммуникативных процессов верификации, критики и аргументации [8; 15]. Это не отменяет объективности знания, а уточняет механизм его установления.

6. Практическое значение дифференцированного подхода. Понимание того, что разные типы теорий имеют различные критерии истинности, позволяет избегать распространенных методологических ошибок как в процессе научного исследования, так и при оценке его результатов. В частности, осознание конструктивной природы теоретических объектов избавляет от наивных онтологических интерпретаций, а признание роли консенсуса научного сообщества помогает реалистично оценивать степень обоснованности новых, еще не прошедших полную проверку теорий [20].

7. Перспективы дальнейших исследований. Проблема истинности научных теорий разных видов тесно связана с более широкими философскими вопросами о природе реальности, соотношении эмпирического и теоретического в познании, роли субъекта в конструировании научной картины мира. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на уточнение критериев истинности для конкретных научных дисциплин (физика, биология, социальные науки) и на разработку более детальных моделей достижения научного консенсуса [16].

Таким образом, проблема истинности или сведения его к релятивизму, а путем дифференциации методологического подхода. Понимание специфики критериев истинности для каждого уровня и вида знания научных теорий разных видов решается не путем отказа от понятия истины является неотъемлемой чертой высокой методологической культуры современного ученого и необходимым условием эффективного развития науки.

Список литературы

1. Лебедев С.А. Введение в философию науки: 15 лекций. — М.: Проспект, 2024.
2. Лебедев С.А. Философия и наука. — М.: Академический проект. 2025.
3. Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983.
4. Вейль Г. Математическое мышление. — М.: Наука, 1990.
5. Лебедев С.А. Научный метод: история и теория. — М.: Проспект, 2025.
6. Лебедев С.А. Уровневая методология науки. — М.: Проспект, 2020.
7. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001.
8. Лебедев С.А. Методологическая культура ученого. В 2-х томах. Т. 2. — М.: Проспект, 2021.
9. Мигдал А.Б. Как рождаются физические теории. — М.: Наука, 1984.
10. Пуанкаре А. О науке. — М.: Наука, 1983.
11. Лебедев С.А. Философия и методология науки. Актуальные проблемы. Труды выдающихся ученых — М.: Издательство Московского университета. 2024.
12. Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие для аспирантов. М.: Проспект. 2022
13. Степин В.С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс, 2000.
14. Лебедев С.А. Философия. Методология. Наука. Избранные статьи. М.: Проспект. 2022.
15. Лебедев С.А. Конструктивистская эпистемология. М.: Академический проект. 2026.
16. Лебедев С.А. Научная истина и ее критерии//Журнал философских исследований. 2024. Т. 10. №1. С. 22-28.

17. Лебедев С.А. Философия науки. Курс лекций. М.: Проспект. 2022.
18. Лебедев С.А. Феноменологическая теория и ее структура//Гуманитарный вестник. 2023. № 6(104). Порядковый номер 3.
19. Лебедев С.А., Андреев С.А. Плюрализм критериев истинности уровней и единиц научного знания//Журнал философских исследований.2026. №1.С. 32-51.
20. Лебедев С.А., Павлова А.А. Проблема синергии философии и науки// Журнал философских исследований.2026. Т.12. №2.С. 3-13.

References

1. Lebedev S.A. Introduction to the Philosophy of Science: 15 Lectures. Moscow: Prospect, 2024.
2. Lebedev S.A. Philosophy and Science. Moscow: Academicheskii Proekt. 2025.
3. Popper K. Logic and the Growth of Scientific Knowledge. Moscow: Progress, 1983.
4. Weyl G. Mathematical Thinking. Moscow: Nauka, 1990.
5. Lebedev S.A. Scientific Method: History and Theory. Moscow: Prospect, 2025.
6. Lebedev S.A. Level Methodology of Science. Moscow: Prospect, 2020.
7. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow: AST, 2001.
8. Lebedev S.A. Methodological Culture of a Scientist. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Prospect, 2021.
9. Migdal, A.B. How Physical Theories Are Born. Moscow: Nauka, 1984.
10. Poincaré, A. On Science. Moscow: Nauka, 1983.
11. Lebedev, S.A. Philosophy and Methodology of Science. Current Issues. Works of Outstanding Scientists. Moscow: Moscow University Press. 2024.
12. Lebedev, S.A. Philosophy of Science. A Textbook for Postgraduate Students. Moscow: Prospect, 2022.
13. Stepin, V.S. Theoretical Knowledge. Moscow: Progress, 2000.
14. Lebedev, S.A. Philosophy. Methodology. Science. Selected Articles. Moscow: Prospect. 2022.
15. Lebedev, S.A. Constructivist Epistemology. Moscow: Academicheskii Proekt. 2026.
16. Lebedev S.A. Scientific Truth and Its Criteria//Journal of Philosophical Studies. 2024. Vol. 10. No. 1. pp. 22-28.
17. Lebedev S.A. Philosophy of Science. Lecture Course. Moscow: Prospect. 2022.
18. Lebedev S.A. Phenomenological Theory and Its Structure//Humanitarian Bulletin. 2023. No. 6(104). Serial Number 3.
19. Lebedev S.A., Andreev S.A. Pluralism of Truth Criteria of Levels and Units of Scientific Knowledge//Journal of Philosophical Studies. 2026. No. 1. pp. 32-51.
20. Lebedev S.A., Pavlova A.A. The Problem of Synergy of Philosophy and Science // Journal of Philosophical Research. 2026. Vol. 12. No. 2. pp. 3-13.

The Problem of the Truth of Scientific Theories

XU
Jin-Xin

*student of the Department of Philosophy,
Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russian Federation, saleb@rambler.ru*

Keywords:

Keywords: scientific knowledge
types of scientific theories
scientific truth and its criteria
methodological pluralism

Summary:

The problem of truth is central not only to philosophy but also to the actual practice of scientific inquiry. The answer to the question of what constitutes true knowledge and the criteria for this truth determines the strategy of scientific research, methods for testing hypotheses, and, ultimately, the recognition of scientific achievements by society. However, as the history and methodology of science demonstrate, the search for a universal criterion of truth for the entire body of scientific knowledge is a difficult task. This is because scientific knowledge is not a homogeneous entity. It encompasses qualitatively different levels of knowledge: sensory data from observation and experiment, empirical facts and laws, scientific theories (laws), and metatheoretical knowledge (paradigmatic theories, specific scientific and general scientific worldviews, ideals and norms of scientific knowledge, and the philosophical foundations of scientific theories). Clearly, a single criterion of truth cannot exist for such diverse cognitive products. Attempts to evaluate the truth of quantum mechanics or the theory of relativity solely through the prism of immediate sensory experience (the sensory criterion) are just as untenable as attempts to evaluate the truth of empirical theories solely by their consistency and logical demonstrability (the coherence criterion). The purpose of this paper is to analyze the truth criteria of two qualitatively different types of scientific theories: phenomenological theories (the most general unit of the empirical level of scientific knowledge) and transcendental scientific theories as knowledge about the properties and laws of ideal objects of a particular science. The methodological basis of this paper includes S. A. Lebedev's level-based conception of scientific methodology, Karl Popper's critical rationalism, Thomas Kuhn's historical school, and Henri Poincaré's conventionalism.

УДК 167

Сущность новой эпистемологической парадигмы

ЛЕБЕДЕВ
Сергей
Александрович

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Московский государственный технический
университет
имени Н. Э. Баумана,
Москва, Российская Федерация, saleb@rambler.ru*

Ключевые слова:

эпистемология
материализм
позитивизм
априоризм
конструктивизм

Аннотация:

Предмет статьи – основные положения конструктивистской теории научного познания как новой эпистемологической парадигмы. Одной из причин ее возникновения стало изменение характера научного познания в двух фундаментальных областях науки: математике и физике. Яркими примерами такого изменения в математике стало создание неевклидовых геометрий, теории бесконечных множеств, формализованных математических теорий, конструктивной математики, а в физике – частной и общей теории относительности, квантовой механики, синергетики, теории элементарных частиц, релятивистской космологии. Процесс построения этих теорий явно противоречил трем классическим парадигмам научного познания: 1) материалистической (с трактовкой в ней процесса научного познания как копирования содержания объективной реальности); 2) позитивистской (как обобщения мышлением эмпирических данных о познаваемых объектах); 3) априористской (в которой процесс научного познания понимался как распаковка сознанием содержания присущих ему априорных форм чувственного и рационального познания и их последующего применения к интерпретации опытных данных). В статье описывается содержание новой, конструктивистской теории научного познания, альтернативной классическим эпистемологическим парадигмам. Согласно конструктивистской эпистемологической парадигме, главная цель научного познания состоит в проектировании и создании учеными научной реальности как максимально определенной в своем содержании когнитивной реальности и последующем ее использовании в качестве эталона для оценки содержания объективной реальности на предмет степени их сходства и различия, а также применения этого знания в практических целях.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 29 августа 2026 года

Опубликована: 29 сентября 2026 года

Введение

В истории науки и ее философском осмыслении уже в Древней Греции было разработано три альтернативных концепции процесса научного познания и его отличия от всех других видов человеческого познания (обыденного, практического, мифологического, художественного, религиозного, философского и др.):

1) материалистическое (научное познание это истинное отражение сознанием воздействующей на него материальной реальности – Левкипп, Демокрит, Лукреций и др.);

2) эмпиристское (научное познание является рациональным обобщением чувственных данных о познаваемых объектах – Фалес, Архимед, Аристотель и др.);

3) априористское (научное познание является исключительно результатом рефлексивной деятельности мышления по распаковке сознанием своего имманентного содержания, включая его основные категории, принципы, аксиомы научных теорий, нравственные и социальные ценности и др. – Парменид, Зенон, Платон, Пифагор, Евклид и др.).

Каждая из этих альтернативных концепций научного познания на протяжении всей истории науки имела своих сторонников как среди философов, так и среди представителей конкретных наук, постоянно совершенствуясь в частностях, чтобы соответствовать содержанию реальной науки, но все они оставались конкурентоспособными вплоть до конца XIX века, времени возникновения неклассической науки. После ее возникновения ни одна из них не сумела достойно ни объяснить, ни оправдать особенности новой науки, не выдержав проверки основных принципов каждой из традиционных эпистемологических парадигм. Рассмотрим кратко их сущность и основные недостатки.

1. Материалистическая эпистемология (классическое естествознание, марксистско-ленинская философия)

Ее сущность: трактовка деятельности сознания и познания как отражения материальной реальности, обоснование с этой позиции объективно-истинного характера научного знания и возможности его практического применения [3].

Минусы материалистической эпистемологии:

1. Научное знание как обобщение обыденного знания.
2. Недооценка относительной независимости деятельности мышления от объективной реальности.
3. Недооценка творческой природы сознания и особенно научного познания.
4. Неспособность адекватно объяснить: а) природу и содержание математического знания, б) наличие плюрализма конкретно-научных теорий в любой области науки, в) смену научных картин мира в ходе развития науки.
5. Невозможность достижения в науке абсолютно-объективного и абсолютно-истинного знания о материальной реальности.
6. Невозможность в рамках материалистической эпистемологии объяснить плюрализм культурно-исторических типов науки.
7. Недооценка: а) активной роли субъекта научного познания, б) недооценка коллективной (социальной) природы научного познания и всех его результатов, в) недооценка значения межсубъектных коммуникаций среди ученых в процессе получения и легализации научного знания.
8. неспособность рационально объяснить наличие концептуального и методологического плюрализма в любой науке.
9. Абсолютизация тождества содержания научного знания и объективной реальности как главной цели научного познания [3].

2. Позитивистская (эмпиристская) эпистемологическая парадигма (Конт, Милль, Юм, Мах, Авенариус, Рейхенбах, Нагель, Карнап, Поппер, Лакатос и др.) [4].

Ее сущность: трактовка научного знания любой степени общности как эмпирического по содержанию, получаемого с помощью обобщения данных опыта с помощью индукции или гипотетико-дедуктивного метода, а обоснования его научности и истинности путем подтверждения опытом.

Минусы позитивистской парадигмы эпистемологии:

1. Невозможность с ее позиций обосновать природу математических теорий как научного знания.
2. Невозможность объяснить природу реальных научных теорий как знания об идеальных объектах.
3. Отрицание качественной специфики содержания основных уровней научного знания и их логической несводимости друг к другу.
4. Невозможность положительного решения в рамках эмпиризма проблемы истинности научных

законов и теорий.

5. Недооценка социальной природы и коллективного характера процесса научного познания.

6. Невозможность в рамках эмпиризма сформулировать объективные закономерности в развитии науки в целом, феномены научных революций в истории любой науки, рационально решить проблему несоизмеримости конкурирующих фундаментальных теорий, а также сменяющих друг друга научных парадигм.

3. Априористская эпистемологическая парадигма (Платон, Декарт, Лейбниц, Кант Гегель, Гуссерль, Вейль и др.) [5, 6, 7, 8].

Сущность: подчеркивание независимости деятельности сознания от объективной реальности на всех уровнях научного познания: чувственном, эмпирическом, теоретическом и философском, и управления им на всех его уровнях априорными, врожденными структурами сознания как имманентно присущих ему.

Минусы:

1. Антиисторизм в понимании процесса научного познания.

2. Невозможность рационально объяснить эффективность научного знания при его практическом применении.

3. Явное противоречие априористской эпистемологии функционированию и развитию реальной науки и постоянному наличию в ней значительного теоретического и методологического плюрализма.

4. Несостоятельность априористской трактовки субъекта научного познания как трансцендентального субъекта (как ученого вообще) и игнорирование его личностной, социальной и культурно-исторической природы.

5. Принципиальная невозможность с позиций априористской эпистемологии объяснить феномены научных революций в реальной истории науки.

При становлении неклассической науки возник запрос на создание новой эпистемологической концепции, которая бы зафиксировала и легализовала ее особенности как нового этапа развития науки. Существенный вклад в создание новой теории научного познания, получившей со временем название конструктивистской эпистемологической парадигмы, внесли сами создатели неклассической науки: Пуанкаре, Планк, Эйнштейн, Гильберт, Брауэр. Гейтинг, Фейнман, Хокинг, Пиаже, Матурана и др. [9, 10, 11, 12].

Сущность конструктивистской эпистемологии: научное знание на любых его уровнях (чувственном, эмпирическом, теоретическом и метатеоретическом) является результатом проектно-конструктивной деятельности сознания по созданию научной реальности и ее разных видов, описание каждой из них с помощью методов соответствующего уровня научного познания. Главной целью научного познания является использование когнитивных научных реальностей в качестве эталонов при оценке различных областей объективной реальности с целью точного определения степени их сходства и различия. Точное знание является необходимым условием не только для эффективного приспособления человека к объективной реальности, но и ее практического преобразования в интересах общества [13].

Основные положения (аксиомы) конструктивистской эпистемологии:

1. Любое знание, в том числе научное, является ни чем иным как фиксацией средствами сознания сконструированной им когнитивной реальности. Анализ реального процесса познания в естественных науках показывает, что процесс конструирования научной реальности зависит от выбора учеными трех главных факторов: предмета познания, целей познания и средств (методов) конструирования научной реальности. В структуре любой науки существует четыре вида научной реальности: чувственная, эмпирическая, теоретическая и метатеоретическая. Каждая из них является продуктом творческой деятельности сознания на соответствующем уровне научного познания и его методов. Это имеет своим неизбежным следствием то, что содержание научной реальности каждого из уровней научного познания не является правильной частью содержания научной реальности любого другого уровня и не может быть чисто логически выведено из него.

2. Конкретно-научным основанием конструктивистской эпистемологии является современная физиологическая теория деятельности сознания как «опережающего отражения действительности» разработанная в середине XX века выдающимися отечественными учеными П. Анохиным и Н. Бехтеревой. Основная идея их работ, доказанная на основе значительного количества экспериментов по изучению мозговой деятельности живых организмов, включая человека, заключается в утверждении, что содержание создаваемой сознанием субъективной реальности не сводится только к фиксации сигналов, поступающих на рецепторы нервной системы от воздействия объектов окружающей среды.

Сознание использует эти сигналы также в функции угадывания возможных будущих воздействий от среды. П. К. Анохин открыл существование в центральной нервной системе особой структуры («аппарата»), ответственной за программирование мозгом возможной реальности («возможного будущего»). В этом аппарате, названном Анохиным «акцептором результата действия», мозгом формируется не только заготовка будущего возбуждения нервной системы, но и весь путь поиска соответствующих раздражителей во внешней среде.

3. Главное операциональное предназначение субъективной реальности – быть системой отсчета и средством оценки свойств и отношений объективной реальности. Субъективная реальность является для сознания не просто его единственной непосредственной реальностью, но и эталоном при оценке и структурировании объективной реальности при определении степени ее тождества с когнитивной реальностью. Как убедительно доказал еще Р. Декарт, именно субъективная реальность является для сознания самой достоверной реальностью, ибо это его собственный продукт.

4. Но, как столь же убедительно показала история науки и ее современное состояние содержание любой научной реальности, включая ее самую абстрактную реальность – математическую реальность, не является врожденным (априорным) знанием. В своей сущности любая научная реальность, а также ее описание – это игровой конструкт сознания, создаваемый либо путем комбинирования им прежних единиц информации, либо также добавления к ним новых единиц, создаваемого с помощью такой его способности как «продуктивное воображение» (Кант). Если созданная сознанием когнитивная реальность не достаточно эффективно выполняет познавательные функции, она может быть либо усовершенствована, либо заменена новой. Только метод проб и ошибок является универсальным средством эволюции не только объективной реальности и любых ее подсистем, но и их научного познания.

5. Будучи конструктивным по своей природе, научное познание развивается методом гипотезы, способным создавать альтернативные, соперничающие между собой концепции субъективной реальности. Однако это не приводит науку к безбрежному концептуальному и методологическому плюрализму, как считал П. Фейерабенд. Одним из главных ограничителей такого плюрализма является социальный характер научного познания, главным субъектом которого является не отдельный ученый (так сказать «научный Робинзон»), а научное сообщество. Главным же средством достижения им общезначимых (объективных) истин является консенсус дисциплинарного научного сообщества.

6. Субъективная реальность не только не тождественна по своему содержанию объективной реальности, но и не обязана быть таковой, чтобы успешно выполнять свои адаптивные функции. Главное назначение научной реальности заключается только в максимально точном определении степени сходства и различия между научной и определенной объективной реальностью.

7. Отношение когнитивной научной реальности к объективной реальности аналогично отношению физической системы отсчета к материальным объектам, свойства которых она измеряет, фиксирует и оценивает. Как от выбора физической системы отсчета в существенной степени будет зависеть характеристика оцениваемой ею объективной реальности, так и от когнитивной реальности зависит оценка ею свойств объективной реальности. Самым убедительным доказательством этого является радикальная смена научных картин мира после смены ее парадигмальных теорий в результате научных революций (Т. Кун).

8. Между физической системой отсчета и когнитивной реальностью имеется не только функциональное сходство, но и существенное различие. Оно состоит в том, что когнитивная реальность является более общим и более универсальным конструктом сознания по сравнению и с научными теориями, и с физическими системами отсчета. Поскольку научная реальность выполняет по отношению к объективной реальности функции, во многом аналогичные функциям системы отсчета в физике, постольку она с полным правом может быть названа «когнитивной системой отсчета» науки своего времени.

9. Научное познание как конструктивная деятельность сознания имеет три главных цели:

- 1) построение научной реальности как максимально определенной и максимально точной реальности сознания,
- 2) системное и доказательное описание этой реальности,
- 3) применение научной реальности в качестве эталона для оценки объективной реальности, управления ею и практического преобразования в интересах человека и общества.

10. При построении любой научной реальности сознание использует следующие виды своих ресурсов и средств:

- 1) сенсорная (чувственная) информация о познаваемых объектах,

- 2) ее комбинирование с помощью воображения,
- 3) интуиция как средство фиксации и контроля содержания чувственной информации,
- 4) язык как средство описания чувственной информации,
- 5) мышление как средство оперирования дискурсной информацией на основе некоторого свода правил и, в частности, правил логики.

11. Среди всех видов научной реальности и их описаний самой определенной, системной, доказательной, проверяемой и истинной является теоретическая реальность и теоретическое знание о ней, которые сознательно строятся как максимально определенные, и как истинное и доказательное знание (как истины «в себе» и «для себя»). Главной целью любой научной теории является строгое и доказательное описание некоторого множества идеальных объектов, создаваемых мышлением. Фактически, теории являются внутренним имманентным продуктом мышления: мышлением о продуктах самого мышления. А потому аристотелевская концепция истины как тождества содержания суждения своему предмету реализуема в прямом (а не метафорическом) смысле только по отношению к научным теориям. Для оценки истинности чувственного и эмпирического научного знания корреспондентская концепция истины уже не работает, не применима, ибо содержание чувственных образов материальных объектов и содержание высказываний о них это принципиально разные реальности, сходство между которыми всегда имеет только неполный и приблизительный характер. Среди всех научных теорий самыми строгими являются математические теории, являющиеся доказательным описанием возможных типов отношений между объектами любого рода (Пуанкаре). Но именно в силу этого математическое знание является наиболее универсальным с точки зрения своей применимости, а математическая реальность – эталонной реальностью для оценки строгости и определенности всех других видов реальности, создаваемых человеком.

12. Основная линия прогресса в конструировании учеными научной реальности, ее различных видов и их описаний заключается в пролиферации множества альтернативных, соперничающих между собой концепций и сохранении этого адаптивного богатства для будущих поколений (Фейерабенд).

13. Существует два самых общих уровня объективной реальности: мир объективных или логически непротиворечивых возможностей и материальный мир. Мир объективных возможностей внепространственен, вечен и актуально бесконечен. Он не наблюдаем, поскольку он не материален. Но он вполне мыслим. Более того, именно он является собственным предметом научных теорий как знаний об идеальных объектах, которые являются имманентными продуктами мышления. Все логические, математические и конкретно-научные теории во всех областях науки имеют своим предметами идеальные объекты. С этой точки зрения все научные теории являются ничем иным как мышлением о самом мышлении, содержание которого тождественно не материальному уровню объективной реальности, а ее идеальному уровню – миру логически непротиворечивых возможностей (поздний Гейзенберг). И, как убедительно показала история развития реальной науки и особенно ее современное состояние, в споре рационалиста Платона с эмпириком Аристотелем о предмете научных теорий прав оказался именно Платон. Впрочем, среди физиков-теоретиков это стало ясно уже Галилею, создавшему эпистемологический фундамент классической теоретической физики, в которой вопреки Аристотелю «природа уже не боится пустоты». Главной ошибкой Аристотеля было то, что он считал научное познание и высший этаж научного знания – научные теории рациональным обобщением опыта. Но история научного познания показала, что таким способом можно познать только материальную реальность, принципиально наблюдаемую, но не идеальную реальность, мир объективных возможностей, который и является не только непосредственным предметом научных теорий в современном смысле, но и фундаментом самого материального мира. Материальный мир можно и нужно познавать с помощью опыта и обобщения его информации, но все эмпирическое знание о материальном мире всегда будет только вероятностным и приблизительным знанием, как и сама материальная реальность, включая материальную практику, как критерий истинности научного знания. Как справедливо заметил на этот счет один из великих ученых-теоретиков Эйнштейн: «Не существует логического пути от опыта к теории». Правда, с точки зрения конструктивистской теории научного познания к этому высказыванию классика можно добавить столь же верное и симметричное. И оно будет звучать так: «Как, впрочем, не существует логического пути и от теории к опыту». Это качественно различные виды знания не только в гносеологическом отношении, но и в онтологическом. Они никогда не будут полностью тождественны друг другу, а только всегда только частично и приблизительно.

14. Основой научного творчества на каждом из четырех основных уровней научного познания является, как, впрочем, и в самой природе, только метод проб и ошибок и последующий выбор

наилучшей из проб.

15. С точки зрения конструктивистской эпистемологии главным субъектом научного познания не является ни отдельный ученый, ни мировое или национальное сообщество ученых, а только конкретное дисциплинарное научное сообщество.

16. Функционирование реальной науки однозначно свидетельствует о том, что критерием общезначимости, обоснованности и истинности как научного знания в целом, так и любой его крупной единицы является только консенсус дисциплинарного научного сообщества. В решении указанных проблем частичное тождество любого знания своему объекту является необходимым, но не достаточным условием решения проблемы его истинности. Не менее важным условием того или иного их решения является коллективное согласие профессионалов в соответствующей области научного знания. Достичь такого согласия помогают постоянные коммуникации между членами дисциплинарного сообщества, где ученые в силу коллективного характера научного познания не только могут, но и должны уметь договариваться друг с другом. Конечно, все такие договоренности по самой своей природе имеют с исторической точки зрения всегда условный и временный характер.

17. Наука развивается через множество конкурирующих теорий и моделей, что позволяет находить наиболее оптимальные решения научных проблем. Содержательный и методологический плюрализм научного познания – абсолютно необходимое условие его успешного функционирования и развития. Но это плюрализм должен быть обязательно дополнен его системной организацией, ибо научное знание всегда функционирует только как целостная система, части которой не просто взаимосвязаны, но и дополняют друг друга.

Список литературы

1. Лебедев С. А. Диахронная и синхронная научная рациональность // Журнал философских исследований. 2026. Т. 12. № 1. С. 16–28.
2. Лебедев С. А. Конструктивистская эпистемология и ее философские основания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2026. № 1 (75). С. 7–23.
3. Лебедев С. А. О современной концепции универсальной философии // Журнал философских исследований. 2024. Т. 10. № 3. С. 47–60.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе. М.: Мысль, 1989.
5. Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль. 1983. – 686 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука. 1998.
7. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб: Наука, 2005. – 799 с.
8. Гуссерль Э. Идея феноменологии. СПб: Гуманитарная Академия. 2008.
9. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М.: Наука. 1967.
10. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука. 1989.
11. Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект. 2024. – 352 с.
12. Лебедев С. А. Философия и методология науки. Актуальные проблемы. М.: Издательство Московского университета. 2024. – 575 с.
13. Лебедев С. А. Основной вопрос философии и наука // *Studia Humanitatis Borealis*. Северные гуманитарные исследования. 2025. № 2 (35). С. 5–11.
14. Лебедев С. А. Соотношение философии и науки // *Studia Humanitatis Borealis* / Северные гуманитарные исследования. 2025. № 3 (36). С. 3–17.
15. Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука. Избранные статьи. М.: Проспект. 2023. – 720 с.
16. Лебедев С. А. Методологическая культура ученого. В 2-х томах. Т. 2. М.: Проспект. 2021. – 216 с.
17. Лебедев С. А. Конструктивистская парадигма научного познания. Часть I // Журнал философских исследований. 2025. Т. 11. № 3. С. 17–22.
18. Лебедев С. А. Конструктивистская парадигма научного познания. Часть II // Журнал философских исследований. 2025. Т. 11. № 4. С. 3–18.
19. Лебедев С. А. Философия научного познания: основные концепции. М.: Московский психолого-социальный университет. 2014. – 263 с.
20. Лебедев С. А. Научная реальность как онтологический конструкт

- // *Studia Humanitatis Borealis*. Северные гуманитарные исследования. 2025. № 4 (37). С. 3-15.
21. Лебедев С.А. Конструктивистская эпистемология. М.: Академический проект. 2026. –383 с.
22. Лебедев С.А. Философия и наука. М.: Академический проект. 2025. – 316 с.
23. Лебедев С. А. Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 8-21.
24. Лебедев С.А. Философия науки. Курс лекций. М.: Проспект. 2022.- 372 с.
25. Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие для аспирантов. М.:Проспект.2022.- 176 с.
26. Лебедев С.А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект. 2024.

References

- [1] Lebedev S. A. Diachronic and Synchronic Scientific Rationality // *Journal of Philosophical Studies*. 2026. Vol. 12. No.1. pp. 16-28.
- [2] Lebedev S. A. Constructivist Epistemology and Its Philosophical Foundations//*Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. 2026. No.1(75). pp. 7-23.
- [3] Lebedev S. A. On the Modern Concept of Universal Philosophy//*Journal of Philosophical Studies*. 2024. Vol. 10. No.3.pp. 47-60.
- [4] Descartes R. *Discourse on Method*. Moscow: Mysl', 1989.
- [5] Leibniz G. V. *Works in 4 volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl'. 1983. – 686 p.
- [6] Kant I. *Critique of Pure Reason*. Moscow: Nauka. 1998.
- [7] Hegel G. V. F. *Science of Logic*. St. Petersburg: Nauka, 2005. – 799 p.
- [8] Husserl E. *The Idea of Phenomenology*. St. Petersburg: Humanitarian Academy. 2008.
- [9] Einstein A. *Collected Scientific Works*. Vol.4. Moscow: Nauka. 1967.
- [10] Heisenberg W. *Physics and Philosophy. Part and Whole*. Moscow: Nauka. 1989.
- [11] Lebedev S. A. *Introduction to the Philosophy of Science: 15 Lectures*. Moscow: Prospect. 2024. – 352 p.
- [12] Lebedev S.A. *Philosophy and Methodology of Science. Current Issues*. Moscow: Moscow University Press. 2024. – 575 p.
- [13] Lebedev S.A. The Main Question of Philosophy and Science // *Studia Humanitatis Borealis. Northern Humanitarian Studies*. 2025. No.2 (35). pp. 5-11.
- [14] Lebedev S.A. The Relationship between Philosophy and Science // *Studia Humanitatis Borealis . Northern Humanitarian Studies .* 2025. No. 3 (36). pp. 3-17.
- [15] Lebedev S.A. *Philosophy. Methodology. Science. Selected Articles*. Moscow: Prospect. 2023. – 720 p.
- [16] Lebedev S.A. *Methodological Culture of a Scientist*. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Prospect. 2021. – 216 p.
- [17] Lebedev S.A. Constructivist Paradigm of Scientific Knowledge. Part I // *Journal of Philosophical Research*. 2025. Vol.11. No.3. pp. 17-22.
- [18] Lebedev S.A. Constructivist Paradigm of Scientific Knowledge. Part II // *Journal of Philosophical Research*. 2025. Vol. 11. No.4. pp. 3-18.
- [19] Lebedev S.A. *Philosophy of Scientific Knowledge: Basic Concepts*. Moscow: Moscow Psychological and Social University. 2014. – 263 p.
- [20] Lebedev S. A. Scientific Reality as an Ontological Construct // *Studia Humanitatis Borealis / Northern Humanitarian Studies*. 2025. No.4 (37). pp. 3-15.
- [21] Lebedev S. A. *Constructivist Epistemology*. Moscow: Academicheskyy proekt. 2026. 383 p.
- [22] Lebedev S. A. *Philosophy and Science*. Moscow: Academicheskyy proekt. 2025. – 316 p.
- [23] Lebedev S. A. Three Epistemological Paradigms: Classical, Non-Classical, and Post-Non-Classical // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. 2019. No.2. pp. 8-21.

[24] Lebedev S.A. Philosophy of Science. Lecture Course. Moscow: Prospect. 2022. - 372 p.

[25] Lebedev S.A. Philosophy of Science. Textbook for Postgraduate Students. Moscow: Prospect. 2022. - 176 p.

[26]. Lebedev S.A. Introduction to the Philosophy of Science: 15 lectures. Moscow: Prospect. 2024.

The Essence of the New Epistemological Paradigm

LEBEDEV
Sergey

*Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of Philosophy,
Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russian Federation, saleb@rambler.ru*

Keywords:

epistemology
materialism
positivism
apriorism
constructivism

Summary:

The article explores the fundamental tenets of the constructivist theory of scientific knowledge as a new epistemological paradigm. One of the reasons for its emergence was the changing nature of scientific knowledge in two fundamental fields of science: mathematics and physics. Striking examples of this change in mathematics include the creation of non-Euclidean geometries, the theory of infinite sets, formalized mathematical theories, and constructive mathematics. In physics, these include the development of special and general relativity, quantum mechanics, synergetics, the theory of elementary particles, and relativistic cosmology. The process of constructing these theories clearly contradicted the three classical paradigms of scientific knowledge: 1) materialistic (with its interpretation of the process of scientific knowledge as a copying of the content of objective reality), 2) positivistic (as a generalization of empirical data about cognizable objects by thought), and 3) aprioristic (in which the process of scientific cognition was understood as the unpacking by consciousness of the content of its inherent a priori forms of sensory and rational cognition and their subsequent application to the interpretation of empirical data). This article describes the content of a new, constructivist theory of scientific knowledge, an alternative to classical epistemological paradigms. According to the constructivist epistemological paradigm, the main goal of scientific knowledge is for scientists to design and create scientific reality as a cognitive reality maximally defined in its content and then use it as a standard for assessing the content of objective reality for the degree of their similarities and differences, and for applying this knowledge for practical purposes.

УДК 338.48

БАРЬЕРЫ И ДРАЙВЕРЫ ТУРИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОСТОМУКШСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА: МНЕНИЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

МЕНЬШИКОВА
Мария
Алексеевна

*магистрант кафедры туризма,
Петрозаводский государственный университет,
Институт физической культуры, спорта и туризма,
Петрозаводск, Российская Федерация,
turinfokosta@mail.ru*

Ключевые слова:

туристическое развитие
Костомукшский муниципальный
округ
местное сообщество
барьеры развития
драйверы развития
внутренний туризм

Аннотация:

В статье рассматриваются ключевые барьеры и драйверы туристического развития Костомукшского муниципального округа Республики Карелия на основе мнения местного сообщества. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переориентации туристического потока на внутренний рынок после закрытия государственной границы. Методом онлайн-анкетирования было опрошено 212 жителей округа. Выявлено, что местное сообщество позитивно оценивает экономический потенциал туризма, однако отмечает недостатки в инфраструктуре и сервисе. В качестве основных драйверов развития респонденты выделяют экологический и культурно-исторический туризм. Сформулированы практические рекомендации для органов власти, бизнес-сообщества и некоммерческих организаций по преодолению выявленных барьеров.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 29 августа 2026 года

Опубликована: 29 сентября 2026 года

Введение

Развитие туризма в регионах Республики Карелия имеет важное экономическое значение и способствует заметному улучшению экономического положения территорий, как это произошло, например, в Сортавальском районе за последние 5 лет. Костомукшский муниципальный округ, обладая уникальным сочетанием дикой тайги, горнодобывающего предприятия и старинных карельских деревень – колыбели эпоса «Калевала», – имеет высокий потенциал стать точкой притяжения для туристов.

В 2023 году город Костомукша отметил свое 40-летие. Это современный моногород [3] на северо-западе Карелии, расположенный у небольшого живописного озера Контолки, в непосредственной близости от государственной границы с Финляндией. Костомукша занимает 11-е место в рейтинге самых молодых городов России, но уже имеет сложившиеся традиции. Также Костомукша – это город в Арктической зоне Российской Федерации [4].

До 2022 года туристический сервис в округе был ориентирован преимущественно на гостей из Финляндии. В условиях закрытия границы и тренда на развитие внутреннего туризма округ столкнулся с физической и информационной изоляцией от прежних туристических потоков. Тем не менее

сохраняется спрос со стороны индивидуальных туристов, исследователей карельской культуры, командировочных сотрудников предприятия «Карельский окатыш» и спортсменов.

Целью данного исследования стало выявление и анализ ключевых барьеров и драйверов туристического развития на основе мнений местного сообщества. Объектом исследования выступает туристическое развитие Костомукшского муниципального округа, предметом – мнение местного сообщества о барьерах и драйверах этого процесса.

Методы и организация исследования

Для достижения цели исследования был проведен социальный опрос (анкетирование) среди местного населения Костомукшского муниципального округа (общая численность населения – 25 704 человека по данным на 2025 год) [5]. В опросе приняли участие 212 жителей города Костомукша и прилегающих территорий (деревня Вокнаволоок, посёлки Заречный, Ладвозеро, Поньгагуба, Суднозеро, Толлорека), соответствующих критериям: возраст от 18 лет и проживание на территории округа более 1 года.

Анкета содержала 30 вопросов (открытых и закрытых). Опрос проводился в онлайн-режиме на базе Информационно-туристского центра (ИТЦ) Костомукши и официального паблика Администрации города. Методы анализа включали количественную обработку закрытых вопросов и качественную категоризацию ответов на открытые вопросы.

Результаты и их обсуждение

Анализ анкет позволил выявить отношение жителей к текущему состоянию туризма. На вопрос о положительных сторонах развития туризма более 120 респондентов назвали создание новых рабочих мест, вторым по популярности ответом стало увеличение доходов городского бюджета и, как следствие, дополнительные возможности для благоустройства территории. К отрицательным сторонам жители отнесли риск увеличения объема мусора и рост цен на товары и услуги.

Оценивая потенциал территории, более 50 опрошенных выделили экологический туризм, а более 40 – культурно-исторический. При этом большинство респондентов отметили недостаточный уровень развлечений и услуг для туристов в округе на данный момент. Несмотря на это, большая часть опрошенных выразила готовность лично участвовать в развитии туризма и выступать амбассадорами территории, рассказывая о ней друзьям и знакомым.

Среди туристических точек, посещенных самими жителями за последний год, лидерами стали заповедник «Костомукшский» и аквапарк «Синиранта». Также упоминались туркомплекс «Фрегат», хутор Кормило, деревня Вокнаволоок, Городской музей и памятник «Ахвенъярвские камни».

На открытый вопрос «Какие три шага для развития туризма Вы видите?» ответы респондентов сгруппировались в следующие приоритетные направления:

1. развитие транспортной доступности (включая возобновление работы аэропорта);
2. развитие инфраструктуры и разработка новых туристических продуктов;
3. финансовая и информационная поддержка развития города со стороны государства.

Заключение

На основе проведенного анализа сформулированы практические рекомендации для стейкхолдеров туристической отрасли Костомукшского муниципального округа. Ряд из них уже реализован.

Для администрации такими рекомендациями являются:

- встречи с жителями и обсуждение текущих вопросов по развитию туризма и улучшению инфраструктуры (в мае 2026 года совместно с администрацией города и информационно-туристского центра и инициативной группы местных жителей было принято решение о создании Совета по развитию туризма) [1];
- микрогранты на благоустройство города для инициативных жителей. Грантовая деятельность набирает обороты и может стать отличным двигателем для местных инициативных жителей, которые готовы реализовывать и улучшать инфраструктуру дворовых территорий или территорию общегородского масштаба;
- поддержка Информационно-туристского центра. Наличие ИТЦ в Костомукше является одним из факторов для развития туризма в Костомукшском муниципальном округе, так как он обладает информационными ресурсами и владеет актуальной информацией как для туристов, так и для местного населения. Также ИТЦ может представлять Костомукшский муниципальный округ на выставках в других регионах России;

- образовательные программы для обучения экскурсоводов на базе ИТЦ Костомукши. В марте 2026 года был запущен пилотный проект курсов совместно с кафедрой туризма ПетрГУ [2]. Курс на 16 академических часов прошли 56 человек. Анализируя этот кейс, можно с уверенностью сказать, что можно запускать подобные курсы на постоянной основе.

Для бизнес-сообщества в ходе исследования представлены следующие рекомендации:

- развитие локальной сувенирной продукции и продвижение мастеров;
- создание авторских экскурсий;
- создание турфирмы для туристов с полным пакетом услуг.

Для некоммерческих организаций рекомендацией является участие в волонтерских программах по благоустройству города.

Список литературы

1. Какой туризм нам нужен? 64палаллель Online. Эл. издание – Режим доступа: <https://64parallel.ru/gorod/kakoy-turizm-nam-nuzhen/> (дата обращения: 21.07.2026).
2. Костомукша на туристической карте. 64палаллель Online. Эл. издание – Режим доступа: <https://64parallel.ru/obrazovanie/kostomuksha-na-turisticheskoy-karte/> (дата обращения: 21.07.2026).
3. Распоряжение Правительства РФ №1398-р «Об утверждении перечня моногородов». Правительство России. Документы. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/14051/> (дата обращения: 11.07.2026).
4. Федеральный закон от 13.07.2020 №193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». Президент России. Документы. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (дата обращения: 11.07.2026).
5. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2025 года. Федеральная служба государственной статистики. – Эл. ресурс. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chisl_MO_01-01-2025.xlsx дата обращения: 27 апреля 2026).

References

1. Kakoj turizm nam nuzhen? 64parallel` Online. E`l. izdanie – Rezhim dostupa: <https://64parallel.ru/gorod/kakoy-turizm-nam-nuzhen/> (data obrashheniya: 21.07.2026).
2. Kostomuksha na turisticheskoy karte. 64parallel` Online. E`l. izdanie – Rezhim dostupa: <https://64parallel.ru/obrazovanie/kostomuksha-na-turisticheskoy-karte/> (data obrashheniya: 21.07.2026).
3. Rasporyazhenie Pravitel`stva RF №1398-r «Ob utverzhdenii perechnya monogorodov». Pravitel`stvo Rossii. Dokumenty`. – E`l. resurs. – Rezhim dostupa: <http://government.ru/docs/14051/> (data obrashheniya: 11.07.2026).
4. Federal`ny`j zakon ot 13.07.2020 №193-FZ «O gosudarstvennoj podderzhke predprinimatel`skoj deyatel`nosti v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii». Prezident Rossii. Dokumenty`. – E`l. resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (data obrashheniya: 11.07.2026).
5. Chislennost` postoyannogo naseleniya Rossijskoj Federacii po municipal`ny`m obrazovaniyam na 1 yanvarya 2025 goda. Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – E`l. resurs. – Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Shisl_MO_01-01-2025.xlsx data obrashheniya: 27 aprelya 2026).

Barriers and Drivers of Tourism Development in Kostomuksha Municipal District: Perspective of the Local Community

MENSHIKOVA
Maria

Master's student at the Institute of physical culture, sports and tourism, Petrozavodsk State University, Institute of physical culture, sports and tourism, Petrozavodsk, Russian Federation, turinfokosta@mail.ru

Keywords:

tourism development
Kostomuksha municipal district
local community
development barriers
development drivers
domestic tourism

Summary:

The article examines the key barriers and drivers of tourist development in the Kostomuksha municipal district of the Republic of Karelia, based on local community perceptions. The relevance of the study is underscored by the need to reorient tourist flows towards the domestic market after the closure of the state border. A total of 212 district residents were surveyed via an online questionnaire. The findings reveal that while the local community positively assesses the economic potential of tourism, it also notes deficiencies in infrastructure and service. Respondents identified ecotourism and cultural-historical tourism as the primary drivers of future development. Finally, the study provides practical recommendations for government authorities, business community, and non-profit organizations to overcome the identified barriers.

УДК 316.3

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ

ФАДЕЕВА
Наталья
Леонидовна

*старший преподаватель кафедры политических и
социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
nata84fa@mail.ru*

СЕДУНОВА
Ангелика
Максимовна

*студент кафедры политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
angelika.gabr@gmail.com*

Ключевые слова:

российский рынок труда
молодежь
трудовая этика
нормативная неопределенность
стратегии выхода
гостинг

Аннотация:

В статье рассматривается современное состояние российского рынка труда через призму эмпирических индикаторов, фиксирующих его изменения в период 2020–2025 годов. На основе данных ВЦИОМ, HeadHunter, НИУ ВШЭ, Росстата и других источников выделены три группы индикаторов: макроэкономические (устойчивый дефицит кадров, сокращение численности молодежи на рынке труда), поведенческие (рост субъективной уверенности, сдвиг ценностных приоритетов в сторону гибкости и самореализации, высокая готовность к смене работы) и институциональные (запаздывающая и неоднородная адаптация работодателей). Цель работы – социологическая интерпретация этих индикаторов. На основе интерпретации сформулированы предположения о возможных связях между структурными, ценностными и ресурсными условиями. В статье они представлены как перспективы дальнейших исследований.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 29 августа 2026 года

Опубликована: 29 сентября 2026 года

Введение

Современный российский рынок труда переживает заметные сдвиги, которые формируют новый контекст для трудового поведения молодого поколения. Аналитики ВЦИОМ характеризуют эту тенденцию как формирование «рынка соискателя» – ситуации, в которой баланс сил смещается в пользу работника [17]. Соискатель получает более высокую переговорную силу, что усиливает его уверенность при поиске работы; работодатель, в свою очередь, вынужден адаптироваться под изменившиеся условия, поскольку общий дефицит кадров создает риски для производительности. Риски соискателя при этом оказываются существенно ниже, что дает ему возможность чаще менять работодателей в

Эмпирическую основу исследования составляют данные ВЦИОМ за 2022–2025 годы, аналитические материалы НИУ ВШЭ, данные Росстата и статистика службы исследований HeadHunter [16], [17], [18], [19], [25]. Последняя построена на агрегировании информации Росстата, ЦБ РФ, а также внутренней аналитики самой платформы, которая отражается в соотношении числа валидных вакансий к резюме, а также общей активности работодателей и соискателей.

В 2022 году, по данным ВЦИОМ, 69 % респондентов в возрасте 18–24 лет были уверены, что легко найдут равноценную работу, а 18 % были готовы к кардинальной смене профессии [16]. К 2025 году, согласно данным ВЦИОМ, установка на легкую заменяемость работы институционализировалась: «рванный опыт» перестал быть девиацией, а принцип «мне просто не нравится» стал достаточным основанием для увольнения [25]. Одновременно статистика HeadHunter фиксирует дефицит кадров, удлинение сроков найма и рост практик гостинга [19].

Научная проблема исследования состоит в том, что разнородные эмпирические тренды рынка труда не интегрированы в общую социологическую теорию, и их интерпретация остается фрагментарной. В HR-дискурсе они нередко описываются как девиация, в то время как социологический подход к их определению позволяет выявить институциональные и ценностные основания.

Социальная проблема заключается в том, что трансформация рынка труда порождает новые формы адаптации работников, которые не всегда соответствуют институциональным ожиданиям. Это создает напряжение между работодателями и молодыми сотрудниками, проявляющееся в росте таких практик, как гостинг, и в трудностях взаимопонимания между поколениями. Осмысление этого напряжения требует социологического языка, который позволил бы описывать происходящее в терминах институциональных и ценностных сдвигов, а не в оценочных категориях.

Объект исследования – рынок труда как социальный институт. Предмет – эмпирические индикаторы, характеризующие текущее состояние российского рынка труда, преимущественно в сфере трудоустройства молодежи. Цель – дать теоретическую интерпретацию текущего состояния рынка труда на основе эмпирических данных 2020–2025 годов через призму выявленных индикаторов.

Трансформация российского рынка труда, одним из проявлений которой выступает изменение трудового поведения молодежи, привлекает внимание исследователей из разных областей научного знания. Однако существующие работы, как правило, рассматривают ее лишь с одной из сторон – макроэкономической, психологической или нормативной, – что приводит к фрагментации исследовательского поля. Отдельные эмпирические тренды фиксируются и описываются, но не сводятся в единую социологическую интерпретацию, которая позволила бы увидеть в них взаимосвязанные проявления одного процесса.

Фундаментальную теоретическую базу для анализа ценностных сдвигов в трудовой этике задают классики социологии. М. Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма» показывает, как понятие «призвания» трансформируется из религиозного дара в светский долг, аналогичную динамику ценностей мы можем проследить и сегодня, говоря об этике самореализации [2: 199]. П. Сорокин в работе «Социальная мобильность» обосновывает, что высокая профессиональная мобильность является нормой в открытых динамичных обществах [21: 148]. Для определения структурного кризиса рынка труда ключевыми становятся концепция аномии Э. Дюркгейма и теория отчуждения К. Маркса, изложенная в «Экономически-философских рукописях 1844 года», где труд рассматривается как внешняя, чуждая работнику деятельность [9: 35], [13: 56].

Современные теории позволяют объяснить микроуровневые механизмы выбора стратегий. П. Бурдьё в монографии «Практический смысл» вводит определение габитуса – системы устойчивых диспозиций, что дает нам понятийный аппарат для анализа конфликта между корпоративно-патриархальным габитусом работодателей и проектно-сетевым габитусом молодежи [2: 102]. Сетевая теория М. Грановеттера показывает, как доступ к альтернативам через разветвленную сеть профессиональных связей делает уход технически простым и нормативным [6: 42]. А. Хиршман в модели «Выход, голос, верность» описывает рациональный выбор индивида в условиях кризиса, а Э. Гидденс в работе «Устроение общества: очерк теории структуризации» объясняет, как массовое повторение практик «выхода» трансформирует институты [22: 115], [4: 69].

Среди современных российских исследователей работы Р. И. Капелюшникова [10] и В. Е. Гимпельсона [5] фокусируются на структурных факторах, а именно на влиянии кризисов, материального стимулирования и альтернативных форм занятости на рынок труда. Поколенческий аспект и несовпадение ценностных ориентаций работников разных когорт раскрыты в трудах И. В. Калашниковой [10] и Е. П. Костенко [11]. Механизмы формирования установки на легкую заменяемость

работы и субъективной уверенности соискателя анализируются в статьях Д. В. Вельмисовой [5] и В. В. Мортикова [14]. Отдельные аспекты проблемы также нашли отражение в публикациях Г. С. Солдатовой [20] и других авторов.

Таким образом, современные исследования освещают отдельные грани феномена, но не сводят их в единую социологическую интерпретацию. Настоящая работа предлагает такую интерпретацию: эмпирические индикаторы состояния рынка труда последовательно рассматриваются через призму классических и современных социологических теорий. Речь идет не о построении объяснительной модели и не об установлении причинных связей — задача состоит в том, чтобы предложить теоретическую рамку, в которой разрозненные эмпирические данные становятся интерпретируемыми как взаимосвязанные проявления более общего процесса. Возможные объяснительные модели, которые могут быть построены на основе такой интерпретации, обозначены в работе как перспективы дальнейших исследований.

Методология исследования основана на вторичном анализе и индуктивном обобщении эмпирических данных ВЦИОМ, службы исследований HeadHunter, НИУ ВШЭ и Росстата, а также на синтезе классических и современных социологических теорий. Основное внимание уделяется не констатации эмпирических трендов, а их теоретической интерпретации. Приоритет индукции позволяет сначала выявить устойчивые паттерны, а затем сгруппировать их в индикаторы и осмыслить с помощью социологических теорий, избегая риска априорного конструирования концепции под заранее выбранную рамку.

Стоит сделать оговорку и по поводу интерпретации понятия «молодежь», так как разные источники оперируют схожими, но не тождественными категориями, когда идет речь о молодом поколении работников. В настоящем исследовании мы опираемся на возрастные границы молодежи, закрепленные в Федеральном законе «О молодежной политике» (от 14 до 35 лет включительно) [15]. Однако в современной социологической литературе широко используются понятия «поколение Z» и «поколение X», границы которых определяются исследователями исходя из концепции поколений. Так, Е. М. Шамис относит к поколению Z родившихся после 2003 года, а к поколению X – родившихся в 1964–1984 годах. [24: 12]. Эти категории близки, но не тождественны: возрастные границы и поколенческая принадлежность задаются разными основаниями. В работе мы воспроизводим ту категорию, которая используется в источнике, и оговариваем ее там, где это существенно для интерпретации.

Основная часть

Современный российский рынок труда переживает заметные сдвиги, которые формируют новый контекст для трудового поведения молодежи. Эти сдвиги, судя по совокупности доступных данных, носят не только конъюнктурный характер и вряд ли могут быть объяснены временными колебаниями рынка. Не претендуя на исчерпывающий охват, выделим три группы эмпирических индикаторов, которые позволяют говорить о происходящих изменениях: макроэкономические, поведенческие и институциональные.

Методологическое примечание. Представленные в данном разделе эмпирические данные взяты из разных источников, которые различаются по методологии сбора, объему выборок и операциональным определениям. Это накладывает ограничения на их прямое сопоставление. Вместе с тем все они относятся к одному временному периоду – 2020–2025 годам – и фиксируют схоже направленные тренды. На наш взгляд, сопоставление таких данных допустимо на уровне качественного анализа, когда речь идет не об измерении, а о выявлении общих векторов изменений. Такой подход позволяет наметить целостную картину происходящего на рынке труда, не требуя методологической унификации исходных источников.

Рассмотрим последовательно каждую из групп индикаторов с опорой на эмпирические данные. Согласно анализу НИУ ВШЭ, к 2025 году численность молодежи на российском рынке труда сократилась до 21,5 млн человек – минимальное значение за период наблюдения с 2006 года. По оценкам экспертов ВШЭ дефицит рабочей силы сохранится в горизонте 15–20 лет [7]. Уровень безработицы в России неоднократно обновлял исторические минимумы и на момент 2025 года, по данным Росстата, составляет 2,2 %, но рынок труда остается трудодефицитным [22]. По данным ВШЭ, ближайшие пять лет рынок труда будет находиться под устойчивым давлением дефицита рабочей силы — как в сегменте высококвалифицированных специалистов, так и в категории рабочих профессий. [10: 54] Параллельно, по оценкам экспертов, будет усиливаться тенденция к реиндустриализации экономики [7].

Помимо того, пандемия коронавируса 2020–2021 годов также внесла свои коррективы, приведя к

увеличению смертности, в том числе среди трудоспособного населения. По разным оценкам, в результате пандемии COVID-19 рынок труда лишился около полумиллиона человек. Убыль трудоспособного населения продолжает влиять на формирование дефицита на рынке труда. По прогнозам, к 2030 году на рынок труда выйдут дети поколения «миллениалов» (+2,6 млн. человек 15–29 лет по сравнению с 2024 годом) [22: 266].

Также о дефиците кадров можно судить исходя из того, что число подростков 14–18 лет, ищущих работу, превысило 1,2 млн человек в 2025 году, что на 16 % выше в сравнении с 2024 годом, а компании направили этой возрастной группе 3,4 млн приглашений на собеседования [12]. Работодатели вынуждены обращаться к соискателям младше 18 лет ввиду общего дефицита кадров.

На фоне дефицита кадров фиксируются изменения в субъективных установках молодежи. В 2022 году, по данным ВЦИОМ, 84 % учащихся колледжей и 55 % студентов вузов испытывали стресс при поиске работы из-за нехватки опыта [16]. К 2025 году ситуация изменилась: 53 % старшекурсников и 55 % молодых специалистов полагают, что легко найдут желаемую работу [26]. Аналитики характеризуют это как переход от «рынка годного соискателя» к «рынку соискателя».

Параллельно фиксируется сдвиг в ценностях, среди приоритетов: достойная зарплата (53 %), гибкий график (40 %), баланс работы и личной жизни (35 %). При этом 67 % молодежи уже имеют трудовой опыт. Представители поколения Z в 1,5–2 раза чаще готовы отказаться от работы, чем старшие коллеги. Среди представителей данного поколения фиксируются и пожелания к графику работы: более половины (56 %) предпочли бы гибкий график, а 77 % хотели бы превратить пятницу в «полувыходной» [26].

Работодатели вынуждены реагировать на новые реалии. В апреле 2025 года количество вакансий для стажеров выросло на 67 % (год к году), а число стажировок с гибким графиком – в три раза (+214 %). При этом управление поколением Z становится вызовом: по данным Development Dimensions International, 41 % компаний признали, что сложнее всего им управлять сотрудниками этого поколения, а 55 % ожидают трудностей с их удержанием в ближайшие три года [26]. Главный источник напряженности – цифровой разрыв, который фиксируется у 67 % опрошенных; на втором месте – разный подход к обратной связи (49 %) и конфликт ценностей (47 %). Поколение Z (по данным источника, родившиеся после 2003 года) в 2,8 раза чаще увольняется при некачественном руководстве (50 % против 19 % у старших) [27].

При этом лишь 24 % компаний уже пересмотрели HR-стратегии с учетом поколенческих различий, 49 % только планируют, а 27 % менять ничего не будут. Только 18 % работодателей собираются в ближайшие два года делать ставку на поколение Z [27]. Приведенные данные показывают, что адаптация работодателей носит запаздывающий и неоднородный характер: одни компании уже перестраивают практики найма и удержания, другие лишь планируют изменения, третьи не намерены их проводить. Институциональные сдвиги, таким образом, происходят, но с отставанием от темпов изменения ожиданий и поведения молодых работников. Этот разрыв – самостоятельный эмпирический факт, требующий социологической интерпретации.

Таким образом, эмпирически фиксируются три группы индикаторов: объективный дефицит кадров, рост субъективной уверенности молодежи и адаптационные, хотя и запаздывающие, реакции работодателей. Совокупность этих индикаторов позволяет говорить о качественном сдвиге в конфигурации российского рынка труда. Ниже мы рассмотрим, какие социологические интерпретации этого сдвига возможны и как в них соотносятся структурные, ценностные и ресурсные измерения.

Нами были зафиксированы три группы эмпирических индикаторов: макроэкономические, поведенческие и институциональные. Сами по себе эти индикаторы описывают наблюдаемые сдвиги, но не дают языка для их осмысления. Социологическая интерпретация требует концептуальных ресурсов – классических и современных теорий, которые позволяют увидеть в разрозненных эмпирических фактах взаимосвязанные проявления более общего процесса. Ниже мы последовательно обращаемся к каждой группе индикаторов и показываем, в какой рамке она может быть прочитана. Речь не идет о построении объяснительной модели или об установлении причинных связей, предлагается лишь теоретическая интерпретация, которая задает теоретическую базу для построения объяснительных моделей в будущих исследованиях.

Макроэкономические индикаторы – сокращение численности молодежи на рынке труда, устойчивый дефицит рабочей силы, падение регулирующей роли традиционных институтов – могут быть интерпретированы через концепцию аномии Э. Дюркгейма. Аномия описывает состояние, в котором прежние нормы утратили регулятивную силу, а новые еще не сложились [9: 145]. В применении к рынку труда это означает не «кризис» в оценочном смысле, а нормативную неопределенность:

привычные карьерные траектории перестают быть предсказуемыми, ослабевает регулирующая роль профсоюзов и трудовой инспекции, а правила взаимодействия между работником и работодателем становятся предметом пересмотра. Теория К. Маркса позволяет дополнить эту интерпретацию субъективным измерением: если условия труда воспринимаются как внешние и принудительные, а работник не видит связи между процессом, результатом и собственными целями, труд переживается как чуждая деятельность [13: 35]. Через призму этих двух концепций дефицит кадров и ослабление институтов читаются как признаки того, что рынок труда переживает период нормативной неопределенности, в котором старые ожидания уже не работают, а новые еще не закрепились.

Поведенческие индикаторы – рост значимости самореализации, гибкого графика, баланса работы и личной жизни, а также высокая готовность менять работу – интерпретируются через теорию трансформации трудовой этики М. Вебера и концепцию социальной мобильности П. Сорокина. С позиции М. Вебера понятие призвания исторически переходило из религиозной сферы в светскую, превращаясь из долга перед Богом в долг перед профессией [2: 198]. Современный сдвиг можно прочесть как следующий шаг этой динамики. Этика долга уступает место этике самореализации, в которой работа оценивается прежде всего по тому, насколько она позволяет человеку развиваться и сохранять баланс с другими сферами жизни. П. А. Сорокин, в свою очередь, обосновывает, что высокая профессиональная мобильность является нормой открытых динамичных обществ, а не отклонением [21: 148]. С данной позиции частая смена работы перестает выглядеть как нестабильность и читается как нормальная форма трудового поведения в условиях, когда институциональные гарантии долгосрочной занятости ослабевают. Концепция габитуса П. Бурдьё позволяет конкретизировать механизм напряженности: работодатели в значительной степени воспроизводят корпоративно-патриархальный габитус с ориентацией на иерархию, лояльность и долгосрочные отношения, тогда как молодые работники формируют проектно-сетевой габитус с ориентацией на автономию, гибкость и быструю смену проектов [1: 103]. Несовпадение этих диспозиций не является чьей-то личной ошибкой или капризом – оно отражает различие в условиях, в которых формировались поколенческие когорты. Это несоответствие, как показано выше, фиксируется и самими работодателями: значительная часть компаний признает сложность управления молодыми сотрудниками и ожидает трудностей с их удержанием.

Институциональные индикаторы – запаздывающая и неоднородная адаптация работодателей – могут быть интерпретированы с помощью теории структуризации Э. Гидденса. С данной позиции повседневные практики не просто воспроизводят институты, но и постепенно их перестраивают: массовое повторение одних и тех же действий закрепляется как норма и начинает влиять на институциональные ожидания [4: 69]. Адаптационные шаги работодателей – рост числа стажировок, распространение гибких графиков, смягчение требований к опыту – можно прочесть как первые признаки такого перестраивания. Показательно, что эти шаги носят точечный характер: часть компаний уже пересматривает HR-стратегии, часть только планирует, часть не намерена ничего менять. Разрыв между темпами изменения ожиданий молодых работников и скоростью институциональной адаптации, зафиксированный в первой части, сам по себе является эмпирическим фактом, который через призму структуризации читается как признак незавершенного, но идущего процесса.

Наконец, ресурсные условия, хотя и не выделялись в первой части как отдельная группа индикаторов, важны для интерпретации поведенческих данных. Роль неформальных контактов в трудоустройстве, которую фиксируют эмпирические исследования, получает концептуальное объяснение в теории «силы слабых связей» М. Грановеттера. Слабые связи – бывшие коллеги, знакомые знакомых, профессиональные сообщества – выступают «мостиками» в иные социальные круги и обеспечивают доступ к информации об альтернативах [6: 42]. В категориях этой теории разветвленная сеть слабых связей делает смену работы технически доступной и снижает субъективные издержки ухода. Модель «выход – голос – верность» А. Хиршмана позволяет интерпретировать, почему в этих условиях именно уход становится предпочтительной стратегией [22: 117]. Когда каналы для выражения недовольства внутри организации оказываются слабыми или неэффективными, а лояльность подрывается ценностным несопадением, описанным выше, «выход» – увольнение или разрыв коммуникации в форме гостинга – приобретает рациональный характер. Здесь важно развести феномены: собственно увольнение и гостинг относятся к стратегии «выхода», тогда как «тихое увольнение» представляет собой иную форму – снижение вовлеченности без разрыва трудовых отношений, ближе к снижению лояльности, чем к уходу. Эта оговорка существенна, поскольку перечисленные практики часто объединяют, тогда как в терминах модели А. Хиршмана они занимают разные позиции.

конкретизируют проявление описанных механизмов в условиях отечественного рынка труда: они фиксируют конфликт поколенческих ценностей, значимость слабых связей и влияние издержек упущенных возможностей на трудовую мобильность [9: 110], [3: 26], [14: 368]. Эти работы важны как эмпирическая опора для интерпретации, поскольку показывают, что упомянутые выше классики социологии остаются релевантными для анализа рынка труда в России.

Дискуссия

Таким образом, обращение к классическим и современным социологическим теориям позволяет интерпретировать выявленные эмпирические индикаторы не как набор разрозненных аномалий, а как взаимосвязанные проявления одного процесса – перехода рынка труда в состояние нормативной неопределенности, сопровождающегося сдвигом трудовой этики и постепенной перестройкой институциональных ожиданий. Такая интерпретация не претендует на объяснение причин наблюдаемых сдвигов и не устанавливает жестких причинно-следственных связей. Ее задача – предложить концептуальный язык, в котором эмпирические данные первой части становятся интерпретируемыми. Какие объяснительные модели возможны на основе этой интерпретации – вопрос, который выходит за рамки настоящей работы и может быть рассмотрен как перспектива дальнейших исследований.

Проведенная интерпретация не ставила своей целью объяснить причины наблюдаемых сдвигов. Однако она позволяет сформулировать несколько предположений о том, как выявленные индикаторы могут быть связаны между собой. Эти предположения не проверяются в настоящей работе и требуют эмпирической верификации; мы приводим их как возможные перспективы для дальнейших исследований.

Первое предположение касается взаимодействия структурных и ценностных условий. Можно допустить, что дефицит кадров сам по себе не приводит к массовому распространению практик ухода: он лишь повышает переговорную силу работников. Если бы ценностный сдвиг от этики долга к этике самореализации не происходил, дефицит кадров, вероятно, выражался бы преимущественно в росте заработных плат, а не в изменении поведенческих практик. Иными словами, структурные условия задают «окно возможностей», но не определяют, как именно им воспользуются.

Второе предположение касается роли ресурсных условий. Даже при наличии структурных возможностей и ценностной мотивации уход остается рискованным шагом, если у работника нет доступа к альтернативам. Разветвленная сеть слабых связей – бывшие коллеги, профессиональные сообщества, знакомые знакомых – снижает субъективные издержки увольнения и делает смену работы технически доступной. В этой логике именно ресурсные условия выступают тем звеном, которое превращает потенциальную готовность к уходу в реальное действие.

Третье предположение касается связи между поведенческими и институциональными индикаторами. Если следовать теории структуризации Э. Гидденса, массовое повторение практик ухода может постепенно закрепляться как новая норма и влиять на институциональные ожидания. Зафиксированная в первой части запаздывающая и неоднородная адаптация работодателей – рост числа стажировок, распространение гибких графиков, смягчение требований к опыту – согласуется с такой интерпретацией, хотя и не доказывает ее. Можно предположить, что разрыв между темпом изменения ожиданий молодых работников и скоростью институциональной адаптации будет сохраняться до тех пор, пока новые практики не закрепятся в качестве устойчивой нормы.

Четвертое предположение касается разграничения самих стратегий. В терминах модели А. Хиршмана увольнение и гостинг относятся к стратегии «выхода», тогда как «тихое увольнение» представляет собой скорее снижение вовлеченности без разрыва трудовых отношений. Можно предположить, что эти практики имеют разные условия возникновения: «выход» требует наличия ресурсных альтернатив, тогда как «тихое увольнение» возможно и при их отсутствии, как форма внутренней адаптации к неблагоприятным условиям.

Совокупность этих предположений образует возможную объяснительную схему, в которой структурные, ценностные и ресурсные условия рассматриваются во взаимосвязи. Проверка такой рамки – задача будущих исследований. Она потребовала бы, в частности, отраслевого и регионального анализа, а также данных, позволяющих различать поведенческие стратегии, которые в текущей эмпирике часто объединяются. Предложенная интерпретация и сформулированные на ее основе предположения могут послужить отправной точкой для такой работы.

Заключение

Мы не ставили целью построение объяснительной модели или доказательство причинных связей – цель была в том, чтобы выделить совокупность эмпирических индикаторов современного российского

рынка труда и предложить их социологическую интерпретацию. В ходе анализа были зафиксированы три группы индикаторов: макроэкономические, поведенческие и институциональные. Обращение к классическим и современным социологическим теориям – от аномии и отчуждения до трансформации трудовой этики, габитусного конфликта, теории слабых связей и модели А. Хиршмана – позволило интерпретировать эти индикаторы и увидеть в разрозненных данных взаимосвязанные проявления более общего процесса и сформулировать несколько предположений о возможных связях между структурными, ценностными и ресурсными условиями.

Эти предположения не проверялись в настоящей работе и носят характер гипотез. Ограничения связаны с опорой на вторичные данные, различающиеся по методологии, и с отсутствием собственного эмпирического исследования: отраслевой и региональный анализ остался за рамками. Это открывает направления для дальнейшей работы – сравнительное изучение практик ухода и гостинга в разных секторах экономики, проверку предложенной интерпретации на данных локальных рынков труда (например, Республики Карелия), а также более строгое разграничение поведенческих стратегий, которые в текущей эмпирике часто объединяются под общим ярлыком «инновационных». Предложенная интерпретация может быть полезна и для дальнейших социологических исследований рынка труда, и для практической работы с персоналом – не как готовый инструмент, но как возможная объяснительная модель, позволяющая увидеть за отдельными управленческими трудностями более общие процессы.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые [пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, Н. А. Шматко]. — Санкт-Петербург : Алетей, 2001. — 562 с.
2. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер [пер. с нем. Ю. Н. Давыдова; гл. ред. П. П. Гайденко]. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с.
3. Вельмисова Д. В. Сила слабых связей в построении сетей сотрудничества: профессиональные и межпрофессиональные коммуникации / Д. В. Вельмисова // *Телескоп*. — 2023. №1. С. 18-29.
4. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. — 2-е изд. — Москва: Академический Проект, 2005. — 528 с.
5. Гимпельсон В. Е. Российский рынок труда через призму демографии : монография / Под ред. Р. И. Капелюшников, В. Е. Гимпельсона. — 2-е изд., эл. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. — 439 с. — ISBN 978-5-7598-2209-7.
6. Грановеттер М. Сила слабых связей / М. Грановеттер [пер. с англ. З. В. Котельникова, науч. ред. В. В. Радаев, Г. Б. Юдин]. Chicago: The University of Chicago Press, 1973. -- 1360 – 1381 pp.
7. Демография и рынок труда – 2025: прогнозы экспертов НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Neo HR URL: <https://neohr.ru/demografiya> (дата обращения: 05.05.2025).
8. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм [пер. с фр. с сокр. А. Н. Ильинский, ред. В. А. Базаров]. —Москва : Мысль, 1994. — 399 с.
9. Калашникова И. В. «Поколенческий» аспект кадрового менеджмента / И. В. Калашникова, С. И. Соцкова, И. Б. Каширина // *Вестник ТОГУ*. 2021. №4 (63). С. 109-123.
10. Капелюшников Р. И. Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры / Капелюшников Р. И. // *Вопросы экономики*. 2024. №7. С. 81- 111.
11. Костенко Е. П. Трансформация HR-сферы в условиях дефицита кадров / Е. П. Костенко // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2024. № 4. С. 261-277.
12. Куда двигаться дальше: hh.ru и «Билет в будущее» помогут школьникам создать первое резюме [Электронный ресурс] // petrozavodsk.hh.ru : сайт. – 2025. – 30 мая. – URL: <https://petrozavodsk.hh.ru/article/33675> (дата обращения: 19.05.2026).
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс [пер. с нем.]. — Москва : Издательство АСТ. — 2024. — 224 с.
14. Мортиков В. В. Издержки упущенных возможностей и альтернативная ценность работника / В. В. Мортиков // *Экономика труда*, Т. 7. 2020. №4. С. 365-375.
15. О молодежной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2021. № 1. Ст. 28. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102957967> (дата обращения: 03.03.2026).
16. Рынок труда: главные тренды [Электронный ресурс] // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rynok-truda-glavnye-trendy> (дата обращения:

17. Рынок труда - время соискателя? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ URL: rynok-truda-vremja-soiskatelja (дата обращения: 05.10.2025).
18. Рынок труда в середине 2023 года: никто не виноват, но что делать? Анализ данных, тренды и прогнозы от hh.ru [Электронный ресурс] // HeadHunter URL: <https://petrozavodsk.hh.ru/article/31716?ysclid=lna0njcv2u623470466> (дата обращения: 05.10.2025).
19. Рынок труда в 2025 году: почему стало труднее искать работу [Электронный ресурс] // HeadHunter URL: rynok-truda-v-2025-godu-pochemu-stalo-trudnee-isikat-rabotu (дата обращения: 05.10.2025).
20. Солдатов Г. С. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала / Г. С. Солдатов, Т. А. Нестик // Образовательная политика. 2010. №4 (42). С. 10-30.
21. Сорокин П. А. Социальная мобильность / П. А. Сорокин [пер. с англ. М. В. Соколовой]. — Москва : Academia, 2005. 588 с.
22. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Труд и занятость в России. 2025 : статистический сборник [Электронный ресурс]. — Москва, 2025. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 19.05.2026).
23. Хиршман А. О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств / А. О. Хиршман [пер. с англ. Б. Пинскер, ред. А. Золотов]. — Москва : Новое издательство, 2009. — 156 с.
24. Шамис Е. М. Теория поколений. Необыкновенный Икс. 1964 – 1984 / Е. М. Шамис, Е. Н. Никонов. -- Москва : Издательский дом Университета "Синергия", 2022. -- 192 с.
25. Я устал, я ухожу»: почему молодежь легко меняет работу? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/expertise/ja-ustal-ja-ukhozhu-pochemu-molodezh-legko-menjaet-rabotu> (дата обращения: 05.10.2025).
26. Adindex.ru. Главные инсайты рынка HR для руководителей в 2025 году [Электронный ресурс] // Adindex.ru : сайт. — 2025. — 4 августа. — URL: <https://adindex.ru/publication/analytics/search/2025/08/4/335982.phtml> ((дата обращения: 19.05.2026).
27. Deloitte. 2025 Gen Z and Millennial Survey: Growth and the pursuit of money, meaning, and well-being [Electronic resource] / Deloitte Global. — 2025. — URL: <https://www.deloitte.com/global/en/issues/work/content/genz-millennial-survey-2025.html> (дата обращения: 19.05.2026).

References

1. Bourdieu P. The Logic of Practice. St. Petersburg, 2001. 562 p. (In Russ.)
2. Weber M. Selected Works. Moscow, 1990. 808 p. (In Russ.)
3. Velmisova D. V. The Strength of Weak Ties in Building Cooperation Networks: Professional and Interprofessional Communications. Telescope. 2023. No. 1. P. 18–29. (In Russ.)
4. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Moscow, 2005. 528 p. (In Russ.)
5. Gimpelson V. E. The Russian Labor Market Through the Prism of Demography : monograph. Moscow, 2021. 439 p. (In Russ.).
6. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. Chicago, 1973. 1360-1381 pp. (In Russ.)
7. Demography and the Labor Market — 2025: Expert Forecasts from HSE University. Available at: <https://neohr.ru/demografiya> (accessed: 05.05.2025).
8. Durkheim E. Suicide: A Sociological Study. Moscow, 1994. 399 p. (In Russ.)
9. Kalashnikova I. V., Sotskova S. I., Kashirina I. B The "Generational" Aspect of Personnel Management Bulletin of PNU. 2021. No. 4 (63). P. 109-123. (In Russ.)
10. Kapelyushnikov R. I. The Expansion of Vacancies in the Russian Labor Market: Dynamics, Structure, Triggers. Voprosy Ekonomiki. 2024. No. 7. P. 811111. (In Russ.)
11. Kostenko E. P. Transformation of the HR Sphere in Conditions of Labor Shortage. State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024. No. 4. P. 261-277. (In Russ.)
12. Where to Go Next: hh.ru and "Ticket to the Future" Will Help Schoolchildren Create Their First Resume. 2025. May 30. Available at: <https://petrozavodsk.hh.ru/article/33675> (accessed: 19.05.2026).
13. Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. Moscow, 2024. — 224 p. (In Russ.)
14. Mortikov V. V. Opportunity Costs and the Alternative Value of an Employee. Russian Journal of Labor Economics. 2020. Vol. 7, No. 4. P. 365-375. (In Russ.)

15. On Youth Policy in the Russian Federation. Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 1. Art. 28. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102957967> (accessed: 03.03.2026).

16. The Labor Market: Main Trends. VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rynok-truda-glavnye-trendy> (accessed: 05.10.2025).

17. The Labor Market in Mid-2023: No One Is to Blame, But What Should Be Done? Data Analysis, Trends, and Forecasts from hh.ru. HeadHunter. Available at: <https://petrozavodsk.hh.ru/article/31716?ysclid=lna0njcv2u623470466> (accessed: 05.10.2025).

18. The Labor Market in 2025: Why Has It Become Harder to Find a Job. HeadHunter. Available at: [rynok-truda-v-2025-godu-pochemu-stalo-trudnee-iskat-rabotu](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rynok-truda-glavnye-trendy) (accessed: 05.10.2025).

19. The Labor Market — Is It the Job Seeker's Time? VCIOM. Available at: [rynok-truda-vremja-soiskatelja](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rynok-truda-glavnye-trendy) (accessed: 05.10.2025).

20. Soldatova G. S., Nestik T. A. Youth Online: The Strength and Weakness of Social Capital. Educational Policy. 2010. No. 4 (42). P. 10–30. (In Russ.)

21. Sorokin P. A. Social Mobility. Moscow, 2005. 588 p. (In Russ.)

22. Federal State Statistics Service (Rosstat). Labor and Employment in Russia. 2025 : Statistical Collection. Moscow, 2025. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (accessed: 19.05.2026).

23. Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. — Moscow, 2009. 156 p. (In Russ.)

24. Shamis E. M. Generational Theory. The Extraordinary X. 1964–1984 Moscow, 2022. 192 p. (In Russ.)

25. "I'm Tired, I'm Leaving": Why Do Young People Change Jobs Easily? VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/expertise/ja-ustal-ja-ukhozhu-pochemu-molodezh-legko-menjaet-rabotu> (accessed: 05.10.2025).

26. Adindex.ru. Main HR Market Insights for Executives in 2025. 2025. August 4. Available at: <https://adindex.ru/publication/analytics/search/2025/08/4/335982.phtml> (accessed: 19.05.2026).

27. Deloitte. 2025 Gen Z and Millennial Survey: Growth and the pursuit of money, meaning, and well-being [Electronic resource] / Deloitte Global. 2025. – URL: <https://www.deloitte.com/global/en/issues/work/content/genz-millennial-survey-2025.html> (accessed 19.05.2026).

Contemporary Russian Labor Market: a sociological Interpretation of Empirical Indicators

FADEEVA
Natalya

*Senior Lecturer at the Department of Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, nata84fa@mail.ru*

SEDUNOVA
Angelica

*student at the Department of Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
angelika.gabr@gmail.com*

Keywords:

Russian labor market
youth
work ethic
normative uncertainty
exit strategies
ghosting

Summary:

The article examines the current state of the Russian labor market through the lens of empirical indicators that capture its changes from 2020 to 2025. Drawing on data from VCIOM, HeadHunter, HSE University, Rosstat, and other sources, the study identifies three categories of indicators: macroeconomic (persistent labor shortages, a shrinking youth workforce); behavioral (growing subjective confidence, a shift in value priorities toward flexibility and self-realization, high propensity for job mobility); and institutional (lagging and uneven adaptation by employers). The aim of this study is to provide a sociological interpretation of these indicators. Based on this interpretation, the study formulates assumptions regarding potential interconnections between structural, value-based, and resource conditions. These assumptions are not empirically tested within this paper and are outlined as a framework for further research.